

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
факультет журналистики

«Печатный станок и революция в художественной культуре: идеи Маклюэна
в книге «Галактика Гуттенберга» и мои оценки»

Выполнила: студентка 5 курса
Дневного отделения
Группа 518
Брин Фридерике Александровна

Москва
2014

Познание окружающего мира и самого себя начинается с восприятия нашими органами чувств всего, что окружает человека и является им самим. Мы смотрим на вещи вокруг нас, а в сознании сразу же формируется образ, а затем и суждение на основе этого образа. В сознании человека восприятие мира и возникновение мыслей, суждений и умозаключений об этом мире непрерывно связаны, и образуют единый и бесконечный процесс. Следуя логике размышлений Маклюэна, можно предположить, что каждой эпохе, каждому этапу жизни человечества соответствует определенный доминирующий вид восприятия, то, посредством чего люди чаще всего получают информацию. Конечно, самым базисным и вполне очевидным органов чувств выступает зрение, его автор упоминает в связи с произведением Шекспира «Король Лир».

Но по-моему, Маклюэн начал свои рассуждения с самой что ни на есть середины, потому что до того момента, как зрение вступает в свои законные права доминирующего органа чувств, проходит некоторое время.

Тут, мне кажется, стоит обратиться к тому периоду истории «человечества», когда еще не существовало речи как таковой, и главной проблемой первобытных людей было общение. Логично предположить, что люди, или, по крайней мере, дальние предки человека, вынуждены были жить в достаточно суровых условиях и чтобы выживать им необходимо было объединяться в некоторые группировки, стаи, сообщества – «Человек есть в самом буквальном смысле...не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться»¹. Но как же реализовывалось это самое общение, если языка как такового еще не существовало? Здесь мне кажется уместным упомянуть теорию суггестии советского историка и социолога Бориса Федоровича Поршнева.

Согласно его теории, общество начинается с суггестии, а культура – с контрсуггестии, которая всё-таки высвобождает из-под власти суггестивного торможения животные позывы, и дает им удовлетворение альтернативным

¹ Маркс

способом, это альтернатива гибели. Человек, как порождение природы изначально безумен, и лишь потом он обретает разум: «ни одну из чувственных способностей нельзя предпочесть другой. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть разум».²

В момент, когда человек начал говорить, общаться, он стал общественным человеком. Когда же человек научился мыслить, он стал культурным человеком. А по моему убеждению, только «культурный» человек может опираться на зрение, как на базисный анализатор.

Таким образом, получается, что первичным анализатором человека было не зрение, а единство слухо-двигательного анализатора. Здесь важно именно единство: ведь только будучи единым функционирующим аппаратом, эти два анализатора смогут осуществлять эхолокационную (речеподражательную) операцию, лежащую глубоко в основе всей нашей речевой и речемыслительной деятельности. Причем, важно то, что членораздельной речи как таковой не существовало: в 1971 г Ф. Либерман изготовил искусственный макет гортани неандертальца и получил экспериментальное физическое подтверждение того, что она не могла бы производить членораздельных звуков. Дети младшего возраста в кратчайшие сроки справляются с освоением речи. Тот факт, что этот фундаментальный механизм речевой деятельности протекает у нас необычайно быстро, свидетельствует о его особой древности, в некотором смысле даже первичности в эволюционном становлении сигнальной системы³.

Контрсуггестия дает толчок, начало к формированию культуры. А культура как таковая вытекает из мифов и связанных с ними ритуалов. Ритуал, в свою очередь, это совокупность действий, смысл которых не выводится из их структуры. Отсюда следует первая характеристика первобытного сознания, основывающегося на ритуальных действиях -

² Кант

³ Поршнева Б. Ф. Суггестия. О начале человеческой истории - society.polbu.ru/porshnev_paleopsychology/ch29_ii.html

произвольность смысла⁴. Она заключается в том, что действие, будучи включенным в разные ритуалы или же воспроизводимое представителями разных культур, будет осмысливаться по-разному. Вторая характеристика ритуала – циклическая организация времени⁵ - ритуал, как правило, приурочен к какому-либо событию. Третья характеристика – персеверативные тенденции, то есть стереотипные повторения. Получается, что идеальным событием, воспроизводимым в ритуале, является событие, для которого уже сформирована цепочка повторений. Из этого следует четвертая характеристика – тенденция к тотальной регламентации⁶. Таким образом, происходит формирование табу. Постепенно из системы запретов, табу, начинает формироваться закон. «С феноменологической точки зрения «закон» - это не то, что написано на бумаге, а в первую очередь именно его неумолимость, пусть нигде не записанная, ибо я могу превратить в зонд лишь негибкие, однозначно предсказуемые вещи. /.../ Размывание карательных функций власти, обязанной быть гарантом неукоснительности исполнения закона, приводит к коррозии морали и нравственности именно потому, что «необъективность» законов, возможность их неоднозначной интерпретации – путь к деструкции топологии социального субъекта. Нестабильность закона-зонда – это прежде всего нестабильность меня».⁷

Согласно Мишелю Фуко⁸, существует два вида властных отношений: власть – господство, для которой характерна индивидуализация снизу вверх и оглядка на прошлое и власть-дисциплина, характеризующаяся индивидуализацией сверху вниз и взглядом в будущее. Дисциплинарная власть стремится все видеть, оставаясь незаметной, и именно при наличии такой структуры власти на первый план выходит зрение как основной анализатор. В работе Маклюэна Король Лир как и является этим самым

⁴ Журавлев И. В./ Сознание и миф. Что мы делаем, чтобы быть сознательными существами / Книжный дом «Либроком»/ Москва / 2012 / стр. 15

⁵ Там же, стр. 16

⁶ Там же, стр. 19

⁷ Тхостов А. Ш. / психология телесности/ Смысл/ Москва / 2002 / стр. 84

⁸ Фуко М. / Психиатрическая власть / Наука / Санкт – Петербург / 2007

представителем дисциплинарной власти, ведь в его планах – разделить королевство и, грубо говоря, *посмотреть* что будет.

Параллельно зрительному анализатору продолжает функционировать и слуховой - ведь культура, в большинстве своем остается устной. И только с появлением письменности культура начинает отходить от устной традиции и слухового восприятия, соответственно, в сторону восприятия зрительного. С одной стороны это, казалось бы, упрощает процесс получения информации, ведь, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Зрительное восприятие в разы сокращает время понимания, создания образа, однако, тут есть свои нюансы. Зрительное восприятие более всего подвержено искажениям. Еще в Древней Греции философы подметили такое свойство зрительного восприятия, как, например: «Одна и та же краска кажется глубоким старцам темной, а молодым – достаточно яркой». ⁹ И таких примеров, в общем-то, достаточно, такой феномен - *нарушение привычного восприятия*, часто встречающийся при шизофрении, обозначили психиатры А. К. Нейман и В. Нилан. Маклюэн же полагает, что уход от устной традиции в пользу письменной, является причиной распространения шизофрении. Таким образом, я с ним в целом соглашусь. Однако, Маклюэн полагает, что причина – во внутреннем когнитивном диссонансе пишущего человека, то есть человека не-устной-формации, находящегося в обществе слухового восприятия. Я же думаю, что от подобной ситуации диссонанс едва ли может случиться, просто все дело в самой специфике зрительного восприятия. Тут можно привести такой пример: когда Колумб прибыл в Америку, его люди передвигались по континенту верхом на лошадях. Коренное население, индейцы, до этого самого момента лошадей в своей жизни не видели и поэтому, человек на коне воспринимался ими как одно единое существо. Таким образом, произошло искажение восприятие, причиной которого было первое знакомство с ранее невиданным. Или другой пример, но с теми же индейцами: живущие в резервации индейцы первое время не замечали

⁹ Эмпирик С./ Три книги пирроновых основоположений/ Харвест: АСТ / Минск / 2000/ стр. 77

пролетающих в небе самолетов. Не потому, что им было плохо видно, а потому, что этот объект был им незнаком и, соответственно, сознание его не воспринимало, они смотрели и не видели. Похожий пример приводит Маклюэн, говоря о бесписьменных обществах и восприятии фильмов.

Отстаивая теорию когнитивного диссонанса, Маклюэн возразил бы мне, заметив, что нарушения восприятия не ограничиваются визуальной сферой. Те же галлюцинации могут быть как зрительными, так и тактильными, вкусовыми, обонятельными и т.д. Однако именно отклонения зрительного восприятия занимают в психиатрии огромное место, включая в себя иллюзии, галлюцинации, псевдогаллюцинации, различные метаморфозы, порропсии, дисмегалопсии и т.д. и т.п.

Кроме того, если мы обратимся к различным религиозным учениям, мы столкнемся с определенными вещами, обозначаемыми как «непознаваемое» или «неведанное», «бесконечное» и «непостижимое» и т.д. Это и Аничха, и Анатта, и Алая Виджняна, и Аллах и Ками и многое другое. В принципе, такое или нечто подобное есть в любой религии мира и мне кажется, что такие понятия прежде всего отсылают человека к мысли, что это «нечто» нельзя именно увидеть, представить, вообразить, то есть создать образ, картинку. Из этого следует, что религия – это следствие мифа, основанного на устной, но не письменной культуре.

Маклюэн полагает, что в данный период времени мы движемся обратно в сторону аудиальной ориентации восприятия. С одной стороны, рассматривая историю как синусоиду циклических и вечно повторяющихся событий, можно было бы и согласиться, однако, на мой взгляд, на данный момент не может идти никакой речи об отходе от визуальной культуры. Мне кажется, дело в том, что если в первобытном обществе существовала слухово-двигательная ориентация: оно и понятно, нужно было охотиться, выживать, то сейчас уместно говорить о визуально-аудиальной ориентации, потому что условия современной жизни приводят нас именно к такому виду восприятия. Конечно же, на это повлиял прогресс в сфере новых технологий,

и тут с Маклюэном никак нельзя не согласиться. Однако, дело не столько в появлении компьютера как такового - он лишь упростил доступ к информации. А все дело в том, что в определенный момент люди поняли, какой колоссальный шквал информации может обрушиться на человека при просмотре кино. Мне лично кажется, что все дело вовсе не в гаджетах – это лишь средство, на самом деле человек просто осознал, что посмотрев (и одновременно прослушав, конечно), например, полутораминутный рекламный ролик о шампуне, можно получить в десять раз больше информации, чем от прочтения этикетки этого шампуня. Более того, время, затраченное на прочтение будет гораздо большим. И я прихожу к следующему умозаключению: идет плавный переход письменной культуры на второй план, а зрительное восприятие уже практически отпочковалось от письменного текста. Сегодня зрительное восприятие строится на хаштегах, образах, символах.

Но это все происходит сейчас, вопрос в том, как же мы дошли до такого состояния! Согласно Маклюэну важнейшим толчком стало изобретение фонетического алфавита. Именно фонетический алфавит абстрагировал значение звука, превратив его в визуальную форму. Это привело к тому, что буквы сами по себе и звуки сами по себе перестали иметь значение.

Второй и наиболее значимый момент – изобретение книгопечатания: «Печатный текст максимально усиливает визуальные черты алфавита и таким образом доводит индивидуализирующее воздействие фонетического алфавита до такой степени, которая была недоступна рукописной культуре».

10

Маклюэн считает, что именно это столетие стало первым столетием бессознательного. Однако, я, будучи отчасти сторонницей Юнга и находясь в полной солидарности с буддистскими учениями, считаю, что бессознательное было всегда и никуда не денется. Согласно Маклюэну все,

¹⁰ Мак

что не умещалось в сферу сознательного, оказалось в сфере бессознательного. Но я считаю, что, скорее, все существует в бессознательном, и периодически всплывает в сознательном, но никак не наоборот.

Автор пишет, что появление книгопечатания как прикладного знания произвело серьезный раскол, ведь до этого писцы представляли собой это самое знание. Маклюэн считает, что это привело к осознанию своей «профнепригодности» писцами, так начался уход от рукописной культуры. Однако, тут я тоже не вполне могу согласиться. И прежде всего, потому, что с появлением книгопечатной машины Гуттенберга люди лишь осознали, что вот так вот можно упростить процесс воспроизводства книг. Но это не означает, что уже на следующий день в каждом городе было по печатному станку. Отход от рукописных текстов происходит плавно и на самом-то деле не совсем заметно. К тому же, если раньше писать умели только писцы, ну, и знать, в лучшем случае, то сегодня худо-бедно писать могут все, а это означает, что уход от рукописной культуры в полном смысле этого слова не состоялся по сей день, и что-то мне подсказывает, что этого и не случится.

Да, несомненно, книгопечатание стало развивать и бумажную отрасль, и чернильную, и необходима была рабочая сила в виде наборщиков - все это двигало прогресс, а как же? Но я считаю, что возникновение печатной машины – это закономерная случайность, которая произошла в нужное время и в нужном месте. С таким же успехом можно говорить об изобретении ткацкого станка для текстильной промышленности или открытием формулы масляных красок в живописи.

Маклюэн пишет, что именно книгопечатание превратило язык в товар. Но разве рукописная книга не была тем же товаром? Мало кто мог себе позволить такое роскошество и за рукописную книгу тоже платили огромные деньги. Был спрос, было предложение, была эксклюзивность, поэтому рукописные тексты тоже были товаром. Другое дело, что адская машина Гуттенберга превратила текст, слово, язык, из священного источника

божественного знания в часть массовой культуры, доступной, простой, не имеющей в себе никакого таинства и, зачастую, смысла. По мнению Маклюэна, книга послужила первым примером унифицированной товарной культуры. Это так, и по-моему, в этом мало чего хорошего. Именно подобная доступность, массовость и унифицированность делает книги сегодня одним из самых наименее привлекательных источников знания.

Появление книгопечатания действительно повлияло на весь ход человеческой истории, но как мне кажется, наибольшее значение оно оказало не в непосредственный момент своего появления, а гораздо позже. И дело в том, что само по себе книгопечатание на самом-то деле ничего не значит. Важна не возможность напечатать книгу как таковую, а возможность использовать напечатанную книгу в том или ином русле. Таким образом, машина Гуттенберга становится средством манипулирования человеческим сознанием. Дело не в том, что люди начали массово читать, а в том, *что именно* они начали читать. Таким образом, книга, язык превращается из цели в средство. Именно поэтому, как замечает Мак-Люэн, особенно развивается национализм – как острое восприятие национальной культуры, литературы, идеи. Поэтому же появляется и индивидуализм, как отсутствие потребности к коллективности и тенденция к уходу «в себя». И многое другое. Из этого и вытекают все революции, реформации, потрясения и переживания: потому что стало возможным легко и быстро распространить идею.

По мнению Маклюэна, распад Галактики Гуттенберга пришелся на 1905 год с открытием искривленного пространства и особенно – с появлением телеграфа. Мне же кажется, сама позиция Маклюэна в подобном четком разделении на «Галактики» или эпохи того или иного изобретения – абсурдна. Потому что ничего не отмирает полностью, просто с развитием человеческой истории на катушку нашего сознания, составляющую скелет идентичности личности, наматываются различные способы получения информации, разные пути рефлексии и понимания. С каждым новым кругом на старую нить накладывается новая, однако старая никуда не девается, она

просто внизу, она уходит в базис. Так на человеческое суггестивное восприятие «намотались» сначала слухово-двигательное восприятие, потом зрительное и так далее. И письменная культура никуда не делась, она все еще с нами, но теперь играет не ведущую функцию.. А в данный момент мы переживаем то самое время, когда одного ключа восприятия становится недостаточно, поэтому и зрительное восприятие и аудио восприятие работают вместе. Это и есть эпоха кино и телевидения. Дальше – и мы очень близки к этому, следующим этапом станет прибавление к нашему мироощущению восприятие двигательное или тактильное. Когда технологии будущего позволят получать информацию не только через аудио и видео образы, но и через возможность потрогать, понюхать, полноценно ощутить предмет, ситуацию, контекст.

Список использованной литературы:

1. Поршнева Б. Ф. Суггестия. О начале человеческой истории - society.polbu.ru/porshnev_paleopsychology/ch29_ii.html
2. Журавлев И. В./ Сознание и миф. Что мы делаем, чтобы быть сознательными существами / Книжный дом «Либроком»/ Москва / 2012
3. Фуко М. / Психиатрическая власть / Наука / Санкт – Петербург / 2007
4. Эмпирик С./ Три книги пирроновых основоположений/ Харвест: АСТ / Минск / 2000
5. Тхостов А. Ш. / психология телесности/ Смысл/ Москва / 2002
6. Беккер И. М. / Школа молодого психиатра: избранные главы общей психопатологии и частной психиатрии / Издательство БИНОМ / Москва / 2013
7. Жариков Н. М., Тюльпин Ю. Г. / Психиатрия: учебник – 2-е изд., перераб. и доп./ ООО «Медицинское информационное агентство» / Москва / 2009
8. Энциклопедия для детей /т. 6 / Религии мира / 3-е изд., перераб., доп./ Глав. Ред. Аксёнова / Аванта / Москва / 1999
9. Конспекты лекций Е. В. Косиловой «Психиатрия и психическая болезнь».
10. Конспекты лекций И. В. Журавлева «Общая психиатрия».